

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ

ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);
S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полуkenотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Сериков Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершинева Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. 311 с.

Шершнева Е.А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011. С. 215–218.

Ядринцев Н.М. Сочинение: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 336 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

А.С. Жанбосинова

*Восточно-Казахстанский госуниверситет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск*

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 20-е гг. XX в. КАК МЕТОД БОРЬБЫ С КУЛЬТОМ

Исследуются вопросы, связанные с политикой советской власти к религии как следствие победы партии большевиков и реализации нового атеистического курса через оформление правового поля с целью ликвидации культа. Анализ принятых законодательных актов, архивных документов демонстрирует безапелляционное отношение власти к представителям религиозного культа в центре и политику заигрывания с мусульманским населением на окраинах Советского государства. Кампания по изъятию церковных ценностей рассматривается в призмах и во взаимосвязи с попыткой оказать помощь голодающим: если церковь занималась благотворительностью, помогая умирающему населению от голода, то власть под прикрытием спасения голодающего населения грабила религиозные учреждения.

Ключевые слова: религия, культ, репрессии, церковные ценности, ислам, шариат, голод, законодательство.

Политическая реформация 1991 г., парад суверенитетов коренным образом изменили отношение к религии, которая заняла пустующую нишу низвергнутых социалистических идеалов, но вместе с тем отсутствие национальной идеи и веры в новые идеалы обращает людей к всевышнему. Религия и религиозные объединения стали частью не только казахстанского общества, аналогичная картина наблюдается на всем постсоветском пространстве, за исключением Украины, где возникли новые идеалы независимости. Религия стала за-

нимать значительное место в жизни современного человека и оказывать влияние на его духовно-нравственное восприятие социума. К сожалению, в новых условиях развития тех или иных религиозных течений появляются элементы нетрадиционных, порой радикальных направлений, вызывающих противоречивое отношение у старшего поколения, опасения, страх, у молодого – интерес, увлеченность. Такое положение дел свидетельствует об отсутствии элементарных знаний не только истории, но и религии в целом, в итоге мы констатируем уже недостатки духовного воспитания. В данной статье автор попытался показать непростые, порой сложные взаимоотношения советской власти и религиозного духовенства, историю их противостояния.

Советская власть продекларировала отделение церкви от государства и, вопреки своему же принципу, начала жесткую борьбу с религиозным инакомыслием, нормативно-документальная база в истории Советского государства вступила в противоречие с реальной действительностью.

Несмотря на то, что представители религиозных течений встретили Октябрьский переворот вполне нейтрально, были готовы к конструктивному диалогу исходя из позиции о преходящем характере власти и вечности религии, советская власть решила избавить народ от оков религиозного мракобесия. Религия рассматривалась советской властью как значительное препятствие в установлении тотальной идеологии большевизма, политика партии по отношению к религии была определена ее вождем Владимиром Ильичом Лениным (1955, с. 418).

Первыми актами советской власти, отделявшими религию от государства и уничтожившими всякие привилегии церковных деятелей, были «Декрет о земле» и «Декларация прав народов России», принятые II Всероссийским съездом Советов в 1917 г.; следом был узаконен переход церковных земель в распоряжение Советской власти. В декабре 1917 г. СНК принял «Постановление о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению».

Высокая численность мусульман и нежелание терять национальные окраины обусловили гибкость политики Советской власти, направленной исключительно на завоевание их симпатий. В политике советской власти отношение к исламу была связано с возможностью существования режима в мусульманских регионах и лояльного отношения мусульманского населения к большевикам. Отсюда и двойственность подхода к исламу, отмеченная рядом исследователей: с одной стороны, ожесточенная борьба с ним, с другой – стремление сотрудничать (Малашенко А.В., 1996, с. 39–47).

Слабые позиции большевиков в мусульманских районах детерминировали гибкость и осторожность в реализации идей нового строя, слишком широкие географические просторы не позволяли установить полный и тотальный контроль над азиатской частью страны, которая жила по своим законам. В рамках политики, проводимой по отношению к мусульманам, СНК решил в 1917 г. созвать в Петрограде краевой мусульманский съезд, где верующим мусульманам вернули их святыню – «Священный Коран Османа», когда-то конфискованный царским правительством.

Как сообщает Г.Д. Мухтарова, книга была вывезена из Самарканда после его завоевания в 1869 г. по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края К. Кауфмана и хранилась в публичной библиотеке Санкт-Петербурга. Постановление «О передаче Корана, вывезенного из Туркестана, царским правительством, в распоряжение мусульман в лице Мехкелия Шаргия» было подписано В. Лениным. Коран хранился в Уфе, затем в 1923 г. был перевезен в Ташкент (Мухтарова Г.Д., 2007, с. 95–96).

В 1917 г. создается Народный комиссариат по делам национальностей, в его составе был организован Мусульманский социалистический комиссариат, отделы которого представлены в городах Верном и Семипалатинске. В 1918 г. учреждаются Комиссариат по делам мусульман Внутренней России и Сибири, Центральная мусульманская военная коллегия при Народном комиссариате по военным делам, отдел мусульман Ближнего Востока при Народном комиссариате по иностранным делам. В истории взаимоотношений исламского культа и государства существовал так называемый «Проект шариата», содержащий 15 разъяснений шариатских положений, соответствующих коммунистической доктрине. Авторы документа пытались и легитимировать новую власть ссылкой на шариат, и приспособить шариат к новым условиям. «Советских шариатистов», утверждавших, что коммунизм и шариат не противоречат друг другу, в 1921 г. поддерживал народный комиссар по делам национальностей И. Сталин. Народный комиссариат национальностей объявил пятницу выходным днем для сотрудников Мусульманского социалистического комиссариата, а в 1919 г. КазЦИК разрешил празднование Курбан-мейрам в Казахстане (Тахиров Ф.Т., 1997, с. 5). В 1937 г., практически в пик репрессий, 35 учеников казахской школы отдаленного аула под названием «Жана Аул» в связи с праздником Курбан-айт прекратили занятия на три дня, а колхозники не вышли на работу (ЦГА РК, ф. 1648, оп. 1, д. 5, л. 46–62). На наш взгляд, данный факт свидетель-

ствуется о наличии сильных этнокультурных традиций, но не о приверженности к религии, т.е. исламу в его «чистом» виде. В советский период многие религиозные праздники находились под запретом, в том числе и наурыз, пасха и пр.

В исторической литературе доминирует точка зрения о том, что свою главную задачу новая власть видела в полном уничтожении религиозной идеологии. Как полагают исследователи, установка на жесточайший террор получила отражение в письме В.И. Ленина «Членам Политбюро. Строго секретно» от 19 марта 1922 г.: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (Архивы Кремля, 1997, с. 143). Отношение советской власти к религии получило законодательное оформление в декрете СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.

Помимо отделения церкви от государства, декрет ввел ряд ограничений в деятельности религиозных учреждений. В государственной структуре Наркомюста в мае 1918 г. был создан специальный отдел – VIII «ликвидационный», заменивший межведомственную комиссию, главной задачей которой являлось полное уничтожение всех административно-управленческих религиозных структур. В дополнение к предыдущим актам было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г., затем были внесены изменения в Конституцию РСФСР от 28 февраля 1929 г., запрещающие религиозную пропаганду, и можно сказать, самый значительный акт – Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Все указанные нормативные акты и последующие уничтожали церковную собственность, лишали церковь права юридического лица и, по сути, запретили ей заниматься миссионерской, культурно-просветительской пропагандой.

Первая Конституция 1918 г. в ст. 13 продекларировала: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви...» Государство не вмешивается в религиозные дела, в то же время НКВД РСФСР в 1923 г. утверждает Устав Центрального духовного управления мусульман, по которому полномочия управления распространялись и на территорию Казахстана.

Географические просторы и несовершенные коммуникации начала советского строительства обуславливали индивидуальное восприятие регионами политического курса центрального аппарата. На местах, в отдаленных от центра районах, реализация властных полномочий была более изоциренной, «и царь, и бог» – вот кто был местный чиновник от советской власти в деревне и волости, с учетом так называемой революционной ситуации, в органы советской власти попадал «охлос» – человек с улицы, соответственно попрание законов было естественным явлением.

Центральная власть Советов и в годы революционного строительства, и в годы Гражданской войны, и в последующие выражала сознательное молчание и согласие, это своего рода была метода гонения религии, когда с целью изгнания культа забирали помещение. Местные органы власти с учетом политической революционной ситуации определяли: быть или не быть, существовать или не существовать религиозному культу в их деревне или ауле. Под революционные нужды местные органы власти, порой даже не ЧК, а именно власть Советов инициировала закрытие и передачу религиозных культовых учреждений под различные культурно-просветительные цели. Центральные органы от не популярных в народе антицерковных погромов могли спокойно дистанцироваться.

В Казахстане борьба с религиозными воззрениями населения началась не сразу. Как уже говорилось выше, власть большевиков, пытаясь не допустить отпадения окраин, первое время уделяла особое внимание национальному и религиозному фактору, т.е. пыталась учитывать этнотрадиции местного населения. Политика, демонстрирующая благосклонность к исламу, получила отражение в документе, направленном во все партийные структуры и органы власти в феврале 1920 г. – «Письмо ЦК РКП(б) всем партийным комитетам и политотделам о работе среди народов Востока».

В 1920-е гг. на территории Советского Казахстана продолжали действовать и даже строились различные религиозные учреждения – мечети, медресе, церкви, храмы, продолжали работать религиозные школы.

В сентябре 1920 г. в Уфе создается Центральное духовное управление мусульман, в сферу его влияния входили и мусульмане Казахстана. Представители духовного управления не ограничивались лишь религиозной деятельностью, в тяжелые годы Гражданской войны и голода они занимались благотворительностью, помогали людям в годину лихолетья, спасая их от голода и социальных бедствий. Руководителям управления удавалось находить компромисс с советской

властью, что позволяло сохранить мечети и совершать поминально-религиозные ритуалы в аулах. Отдаленность центра от казахских земель и своеобразие традиционной структуры казахского общества, усиленная советизация казахских аулов способствовали постепенному вымыванию мусульманства из казахской среды. Смена политических установок, переход к тоталитарному режиму лишь ускорили события.

Исследователь Н.Е. Емельянов выделяет несколько этапов репрессивной волны, направленных против церкви. В содержание событий хронологии первого этапа 1917–1920 гг. он включает революционные события, связанные с захватом власти, грабежом церквей, расстрелы священнослужителей, и приводит статистику от 15000 до 20000 погибших за веру. Второй этап 1921–1923 гг. автор связывает с голодом и соответствующими изъятиями церковного имущества под предлогом помощи голодающим. Для этого этапа характерна попытка властей уничтожения церкви изнутри путем внесения раскола, показательные суды над религиозными деятелями, вторая волна, как считает автор, дала около 20000 репрессий и около 1000 расстрелов. Третий этап репрессий Н.Е. Емельянов увязывает с коллективизацией 1929–1931 гг., для этого характерно появление Постановления ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», уничтожение кафедрального храма Христа Спасителя в Москве. На третий этап приходится около 60000 арестов и около 5000 расстрелов, по мнению автора. Четвертый этап связан с массовыми политическими репрессиями – 1937–1938 гг., с гибелью не только верующих, но и тех, кто устанавливал новую власть. «Расстрелян каждый второй (около 200000 репрессий и 100000 казней в 1937–1938 гг.), – пишет Н.Е. Емельянов (www.pstbi.ru). На наш взгляд, автор, возможно, преувеличивает количество репрессированных и расстрелянных, к сожалению, перепроверить статистическую информацию Н.Е. Емельянова не представляется возможным. Здесь уместно будет отметить и сослаться на наличие электронной базы о фактах гонений верующих, содержащихся на сайте Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, который на протяжении многих лет занимается систематизацией и сбором данных о репрессиях священно-, церковнослужителей и мирян по церковным делам за годы советской власти.

В какой-то степени можно согласиться с Н.Е. Емельяновым по содержанию первого этапа, действительно революционный хаос, революционная вседозволенность и безнравственность, революционная идеология привели к разрушению религиозных культов и гибели ее представителей.

Политика «военного коммунизма», разруха после Гражданской войны привели страну к страшной катастрофе – массовому голоду, особенно тяжелыми оказались осень 1920 и зима 1921 г., когда число голодающих достигло 23 млн. человек. Именно на втором этапе 8 декабря 1921 г. после долгих колебаний ВЦИК принял постановление о Церковном комитете и дал ему официальное разрешение на сбор средств для голодающих. Несмотря на предпринятый шаг ВЦИК, по мнению исследователя Н.А. Кривовой (2002), шанс найти компромисс в годину тяжелых испытаний и наладить отношения между церковью и советами был упущен.

Церковная помощь голодающим, благотворительная деятельность религиозного культа были строго регламентированы специально разработанным Положением о Церковном комитете от 1 февраля 1922 г. Благотворительная деятельность Церковного комитета сыграла огромную роль в борьбе с голодом, по данным авторов «Красные конкистадоры», было собрано около 8 млн 926 тыс. руб., не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи голодающим (Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н., 1994, с. 157).

Широкую огласку ныне получило секретное письмо Ленина Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. (Архивы Кремля, 1997, с. 143). Полное его название обычно не приводится в исторической литературе, лишь упоминается секретное письмо, считаем необходимым привести его полное название – «Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви 19 марта 1922 г.», опубликованное в 45 томе ППС. «Я думаю, – писал Ленин, – что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно в данный момент представляет... не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции намного десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии подержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного ду-

ховенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету» (Архивы Кремля, 1997, с. 143).

Воспользоваться голодом для изъятия церковных ценностей, потому что без этого не может быть государственного и хозяйственного строительства, без этого нет своей позиции в Генуе – цинизм и реальность советской политики. В конце 1921 г., а именно 27 декабря, выходит декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», немного позднее (23 февраля 1922 г.) – инструкция о порядке изъятия церковных ценностей. Тем не менее само изъятие шло ни шатко, ни валко, так как встречало мощное сопротивление не столько церковников, сколько широких масс верующих (да и неверующих тоже). Активным инициатором всех антицерковных акций выступал Л. Троцкий, о чем свидетельствуют «Архивы Кремля», в частности его записка в Политбюро РКП(б) о политике по отношению к церкви и духовенству от 30 марта 1922 г., где он предлагал:

«1. Провести агиткампанию в самом широком масштабе. Устранить как слезливое благочестие, так и глумление.

2. Расколоть духовенство.

3. Изъять ценности как следует быть. Если было допущено попустительство, исправить.

4. Расправиться с черносотенными попами.

5. Побудить определиться и открыто выступить сменовеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать.

6. Теоретически и политически подготовиться ко второй кампании. Выделить для этого одного партийного «спеца» по делам церкви» (Архивы Кремля, 1997, с. 354).

Первое сильное сопротивление произошло в Шуе в марте 1922 г., следствием чего явились репрессивные меры со стороны советской власти, а итогом – расстрел священнослужителей.

В апреле 1922 г. все секретари губкомов Казахстана получили секретную инструкцию по изъятию церковных ценностей за подписью Калинина, где говорилось об определении церковных ценностей и об изъятии предметов, представляющих наибольшую ценность для государства, в состав комиссии на местах включались представители губисполкома, губфинотдела, губрабкрина, губвоенкома. На комиссии возлагалось руководство и наблюдение за «незамедлительной сдачей» и своевременной транспортировкой ценностей в Госхран (Кривова Н.А., 1997, с. 66).

Практически на местах это осуществлялось следующим образом. При Уездных исполкомах Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов образовывались комиссии по изъятию церковных ценностей, в состав которых входили ответственные партийные работники. Члены комиссии получали мандаты, представляющие им право изымать церковное имущество. Вооружившись этими мандатами, члены комиссий приступали к практической работе по изъятию церковных ценностей. Она проводилась при обязательном участии представителей от группы верующих, администрации церквей, музеев.

13 апреля 1922 г. ГПУ по КССР отсылает шифротелеграмму ответсекретарю Семгубкома РКП(б) с грифом секретно: «Передается неуклонному исполнению телеграмма ГПУ всем предгуботделам и облотделам. Не опубликовать. Инструкция для руководства Комиссиям по изъятию церковных ценностей. Определить с полной точностью изъятие церковных ценностей, не имеющих существенного значения для самого культа, ибо предметы, существенные для богослужения, как-то: антиминсы, иконы – самая живопись, вообще не подлежат изъятию, ибо не представляют из себя ценности в смысле золота и серебра или камня...

...Относительно риз, окладов, украшений, футляров от престолов, рак от гробов, паникадило, подсвечников и т.д. никаких препятствий не имеется...

...из серебряной и золотой посуды, когда нет возможности заменить драгоценные предметы менее ценными, оставлять потребное для богослужения количество, за исключением золотых (изымаются во всяком случае)...» (Кашляк В.Н., 2002, с. 230).

Семипалатинский епископ Киприан под давлением политических обстоятельств был вынужден провести 20 апреля 1922 г. в здании Никольского собора заседание церковно-приходского совета в присутствии 400 прихожан, где была дана информация о постановлении. 5 мая началось изъятие церковного имущества в Никольском храме, построенном в 1899–1901 гг., оттуда вывезли 69 серебряных предметов общим весом почти в три пуда (Титаев Е., 1996, с. 23–39). В составе комиссии по изъятию церковного имущества в Никольском соборе главным специалистом-оценщиком был представитель музея Географического общества Н.Н. Белослюдов. О компетентности комиссии в данном вопросе можно судить по ее составу: зампредгубисполкома, завгубфинотделом и председатель губпомгола, поэтому она не только не могла оценить изымаемые предметы с художественной точки зрения, но даже не проверяла вес описываемых предметов, и он

ставился таким, какой вес называли служители культа. Поэтому против каждой иконы, вносимой в список изъятия, появились такие примечания: «Ввиду того, что снятие означенной ризы не испортит самое изображение, а значит, не будет иметь никакого отношения в затруднении выполнения обрядов культа, означенную ризу с иконы изъять», «ввиду того, что означенная риза ценности ни художественной, ни исторической не представляет, таковую изъять без проверки веса» (Кашляк В.Н., 2002, с. 230–231).

В итоге 25 святых икон было раздето в Никольском храме, все изъятые без учета их историко-художественной ценности складировались в ящики для отправки в центр. Путем выкупа верующим удалось спасти икону Николая Чудотворца. Изъятые у церковей предметы религиозного ритуала нередко имели историческую, музейную ценность. Церковь получала в дар большие материальные пожертвования: церковные сосуды из драгоценных металлов, кресты, украшенные драгоценными камнями, священническую ритуальную одежду и другие предметы для богослужения, литургические книги, часто в богатых переплетах (окладах). Эти ценности не только обеспечивали функционирование храмов, но и придавали службе, совершавшейся в них, торжественность и великолепие, что имело не только эстетическое, но и идеологическое значение.

Изъятие церковных ценностей происходило и в Знаменском соборе, который был построен 15 августа 1777 г. на народные пожертвования. В составе комиссии, производившей опись и изъятие имущества, были представители губисполкома, губфинотдела, губрабкрин, губвоенкома. В результате работы комиссии были раздеты практически все иконы, кроме двух: иконы Знаменско-Абалацкой Божьей матери и иконы с изображением Христа «Царь Славы». Впоследствии икона Божьей Матери, именуемая «Абалацкая», бесследно исчезла. Комиссия не просто изымала, а практически уничтожала сокровища культуры, со старинных евангелий XVIII и XIX вв. вырывались серебряные украшения, предположительно, по данным комиссии, в Знаменском соборе было изъято около 49 предметов весом более трех пудов (Кашляк В.Н., 2004, с. 341).

Аналогичная политика изъятия проходила во всех православных храмах Восточной области: Воскресенской, Всехсвятской, Александро-Невской и других церквях. Комиссия сообщала, что в мусульманских мечетях серебряных и золотых изделий не обнаружено.

Перед началом изъятия ценностей республиканские власти провели широкую агитационную работу через средства массовой инфор-

мации, митинги и т.д. По-прежнему большим влиянием среди населения пользовались мусульманское и православное духовенства. Как сообщали представители местных властей, предпринятые меры имели определенный успех: повсеместно выносились резолюции о немедленном изъятии, одобрении политики Советской власти в условиях голода. Случаи протеста против конфискации церковного имущества, в отличие от центральных областей России, в республике не носили массового характера, так как они сразу же становились известны органам ГПУ и жестоко карались. В среде религиозного духовенства можно было выделить три линии поведения: к первой относилась реакционно настроенная часть духовенства, которая бралась на учет органами ГПУ, ко второй относилась группа, воспринявшая данный акт как необходимость, так как кошмар голода проходил у всех на глазах, к третьей принадлежала группа духовенства, соблюдавшая политику невмешательства в действия властей. Уездным уполномоченным предписывалось: «...виднейших зловредных попов до конца кампании по возможности не трогать, но предупредить их в личной беседе совершенно секретно, что в случае эксцессов они ответят головой» (Архивы Кремля, 1997, с. 194–195).

В результате работы комиссий по изъятию церковных ценностей были раздеты практически все иконы, представляющие для власти эквивалент «золота и серебра».

В 1926 г. в официальных документах властей Казахстана появляется тезис об антисоветском характере мусульманской религии. С последующего года начинается не просто антирелигиозная пропаганда, а ставится вопрос об искоренении религии вообще. Затем было опубликовано постановление «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. С этого года и началось официальное закрытие всех учреждений, связанных с религией – мечети, церкви, монастыри. Упразднены административные структуры, из подчинения ЦДУМа казахская мусульманская община перешла в управление САДУМа (Среднеазиатское духовное управление в мусульман, т.е. из Уфы в Ташкент).

Можно сказать, что кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. явилась крупнейшей антирелигиозной кампанией, направленной на ликвидацию церкви, уничтожение духовенства и устранение религии из общественного сознания. Суть акции сводилась к желанию покончить с независимым экономическим положением церкви, к тому же правительство раздражало поведение православного руководства, в частности Тихона, пытавшего сохранить независимость церкви. Под лозунгами спасения голодающих партия накапливала соб-

ственный капитал. Карательные методы проведения кампании превратили ее в поле битвы, в которой подавляющим военным превосходством большевики одержали верх над стихийным протестом масс.

A.S. Zhanbosinova

CAMPAIGN TO SEIZE RELIGIOUS VALUES IN 20 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY AS A METHOD OF DEALING WITH CULT

The author examines the issues related to the policies of the Soviet government to religion as a consequence of the victory of the Bolshevik Party and the implementation of the new atheist course through the registration of the legal field to eliminate the cult. Article provides an analysis of the legislative acts, archival documents, demonstrating categorical attitude of the authorities to the representatives of religious worship in the center of policy and flirting with the Muslim population on the outskirts of the Soviet state. Campaign to seize church property is seen in the prism and in connection with an attempt to help the starving, if the church is involved in charity work helping the people dying from hunger, the power under the guise of saving the starving population plundered religious institutions.

Key words: religion, cult, repression, religious values, Islam, Sharia, hunger, legislation.

Библиографический список

- Архивы Кремля: в 2-х кн. Кн. 1: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. 600 с.
- Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. 270 с.
- Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую православную церковь (1917–1952 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pstbi.ru>.
- Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 248 с.
- Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. // Международный исторический журнал. 2002. №20 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.mashaon.ru>.
- Кашляк В.Н. Никольский кафедральный собор // Семипалатинск. Три века истории. Новосибирск, 2002. 368 с.
- Кашляк В.Н. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. Семипалатинск, 2004. 610 с.
- Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. М.; СПб., 1996. 182 с.
- Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане (1917–1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Уральск, 2007. 310 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 17.
- Тахиров Ф.Т. Пятнадцать вопросов и ответов по шариату. Душанбе, 1997. 56 с.
- Титаев Е. Погибшие храмы // Простор. 1996. №11. С. 23–39.